

Приглашение к размышлению

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

**А.Д. Сухов. Русская философия:
характерные признаки и представители, особенности развития. –
М.: Канон-плюс, 2012. – 639 с.**

З.А. ТАЖУРИЗИНА

«Русская философия...» – книга известного у нас и за рубежом историка философии, религиоведа А.Д. Сухова – привлекает своей основательностью, взвешенностью оценок, новыми подходами к некоторым дискуссионным проблемам, стремлением проникнуть не только в учение того или иного мыслителя, но и в его психологию, в обстоятельства формирования его учения.

В центре внимания автора – свидетельства самобытности развития России во всех отношениях, в том числе в области философской мысли. Он полагает, что специфика русской философии, ее традиций во многом предопределялась нестандартностью социального развития страны, и с этих позиций рассматривает особенности, успехи и неудачи наших мыслителей в разные исторические периоды. Элементы философских размышлений Сухов усматривает уже в средневековой русской культуре. Одна из плодотворных идей книги А.Д. Сухова – необходимость поиска русской философской мысли в других формах духовной деятельности – в сочинениях писателей, литературоведов, историков, политиков, естествоиспытателей и даже теологов (замечу, не в самой теологии), способных, как и все, заниматься деятельностью и «не по специальности».

А.Д. Сухов не замыкается на описании отечественной философии, но включает ее в контекст мировой культуры, совершая экскурсии в область социально-политической истории и философской жизни Европы, сопоставляя русскую мысль с европейской. В книге убедительно показано, что поветрие последних двух – трех десятилетий, состоящее в абсолютизации роли идеалистической традиции в русской мысли и в пренебрежительном отношении к материалистической связано с упрощенным представлением о путях развития отечественной мысли. Автор призывает к признанию значимости обеих традиций; его цель – представить их во взаимодействии и противостоянии. В книге раскрываются разные черты, характеризующие своеобразие как этих традиций, так и русской философии в целом.

Одним из отличительных признаков русской философии А.Д. Сухов считает деятельность группы литературно-философских кружков, существовавших в 1820 — 1850-х гг. Они характеризуются как «философское сообщество», некая целостность, обладающая собственной историей, преемственностью и традициями, специфической формой деятельности в виде устного и эпистолярного творчества. В книге подробно описывается творчество их участников. В этих кружках зарождались славянофильство и западничество, позже обретшие отчетливые черты в творчестве П.Я. Чаадаева и А.С. Хомякова. Философия уже в это время испытывала противодействие со стороны власть имущих, считавших, что «решение общих, мировоззренческих вопросов — прерогатива не философии, а религии, теологии, церкви». Притеснение философии со стороны официальной церкви и самодержавного государства происходило и позже, особенно приходясь на долю мыслителей, склонных к материалистическим и атеистическим воззрениям.

А.Д. Сухов посвятил отдельную главу «душе славянофильства» А.С. Хомякову, справедливо полагая, что в нем воплотились наиболее характерные черты славянофильства: верность отечественным традициям, прежде всего, православию, — и влияние западной философии, требование равенства гражданских прав, свободы книгопечатания, веротерпимость, особое выделение русской сельской общины. Любопытны суждения А.Д. Сухова по поводу своеобразного характера религиозности некоторых славянофилов (в том числе Хомякова), тяготевших к протестантизму (автор связывает это с распространением в обществе буржуазных отношений). В книге прослежена сложная судьба самобытности и западничества в русской философии в течение столетнего их взаимодействия, полемики, раскрыты разнообразные грани учений каждого из последователей этих течений. Так, взгляды К.Д. Кавелина, как полагает Сухов, — «настоящий гибрид» идей западничества и славянофильства. Автор обращает внимание на феномен охранительного либерализма, первоначально представленный Б.Н. Чичериным, проповедником конституционной монархии как фактора будущего прогресса России. Позиция целого ряда мыслителей (М.Н. Каткова, К.П. Победоносцева, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, В.В. Розанова, Л.А. Тихомирова) рассмотрена в русле охранительного консерватизма, поддерживавшего официальную идеологию, самодержавие, но и здесь обнаруживаются различия: для Победоносцева вряд ли приемлема идея «монархического социализма» Леонтьева. Выявляет автор и разновидности почвенничества, центральной идеей которого было сближение с народом (почвой) на религиозно-этической основе; особое внимание здесь уделено Ф.М. Достоевскому. Завершают «столетнюю полемику», по мысли автора, евразийцы. Отмечу, что отзвуки просуществовавшего примерно десяток лет евразийства доносятся и в наше время. Актуальность обращения к этому явлению обусловлена потребностью части российского общества в восстановлении плодотворных традиций советского периода. А.Д. Сухов обращает внимание на то, что евразийцы «в советской действительности обрели почву под ногами», органично связав мысль о том,

что «самой природой и историей народы Евразии призваны к совместной жизни» с признанием социально-политического строя в СССР (вплоть до планового хозяйства, однопартийности, советов, не говоря уже об идеале социальной справедливости). Правда, осуждали «безбожие» и различные религии, за исключением православия, в котором видели духовную основу общества.

Нетрадиционно подошел автор к рассмотрению некоторых аспектов творчества Л.Н. Толстого, — он представлен в книге как выразитель традиции, опирающейся на опыт реалистического осмысления жизни. А.Д. Сухов доказывает, что взгляды Толстого на все жизненные вопросы определялись принципиальной установкой: жизнь привилегированного круга бессмысленна, подлинной же жизнью живет трудящийся человек. С этим автор связывает убежденность Толстого в том, что «собственность есть корень всякого зла», прежде всего, порабощения большей части общества меньшей его частью. Отсюда, вероятно, и более чем скептическое отношение мыслителя к церкви. В русле радищевской традиции Толстой пишет о том, что церковь и власть «взаимно поддерживают друг друга». А.Д. Сухов подчеркивает антибуржуазную направленность творчества Толстого, уверенного в том, что «уничтожиться должен строй капиталистический и замениться социалистическим». Не в этом ли, справедливо задается вопросом автор, причина того, что великий писатель Толстой стал неудобным для меньшей, ныне господствующей, части общества, препятствующей распространению его идей?

А.Д. Сухов вступает в полемику с авторами, не сомневающимися в религиозности Толстого, в «иррационалистическом и мистическом характере» его учения, и убедительно доказывает, что писатель был рационалистом и атеистом, ибо «у Толстого не было веры в сверхъестественное». Явным поводом для оценки учения Толстого как религиозного, полагает автор, было частое употребление писателем слов «Бог», «религия», использование библейских персонажей в качестве неких символов добра и зла. Не отрицая сложного и не всегда последовательно светского характера использования этих слов Толстым, А.Д. Сухов показывает, что в религиозные термины Толстой вкладывал нерелигиозный смысл: «Бог есть то высшее, что есть в нас», а именно — братство и любовь, добро и совесть. «Истинная» религия Толстого — совокупность нравственных постулатов. Вывод А.Д. Сухова — «от религиозности Толстого, кроме терминологии, ничего не остается», — достаточно убедителен, тем более, что он подкрепляется основательным анализом религиозных идей писателя; автор уверен в том, что всесторонняя критика Толстым православия до этого не имела аналогов. И социальная философия Толстого, достаточно полно представленная в книге, свидетельствует о том, что интересовало его не сверхъестественное, но человеческое — народ как творящая историю сила, личность, историческая закономерность. Любопытен анализ учения Толстого о ненасилии, позволяющий более адекватно подойти к идее ненасильственного сопротивления: Сухов усматривает в ней позитивные стороны, исходя из опыта применения ненасилия в исторической практике и напоминая о том, что не все рево-

люции свершались насилием. В книге раскрывается содержание целого ряда тем, поднятых Л.Н. Толстым: это и роль Дарвина в разрушении библейской истории сотворения мира, и критика «квазинауки политэкономии», оправдывающей несправедливый строй, и отстаивание права народных масс пользоваться настоящим искусством, и т.д.

Одним из достоинств книги А.Д. Сухова является исследование формирования и развития российской традиции философского материализма, его разнообразных проявлений. Отмечу, что в последние десятилетия редко кто из историков философии обращался к творчеству русских материалистов. Это направление автор представляет как обширный, вполне достойный, плодотворный пласт русской философской культуры. Он подчеркивает, что возникновение и развитие философского материализма было закономерным, что он опирался на реальные, научные, знания о действительности, и в условиях господства религии и идеалистической философии был учением в той или иной мере революционным. Каждый из мыслителей, причастных к идейному обогащению материалистической традиции России, предстает в книге как личность, которую характеризуют не только гражданское мужество в условиях господства авторитарной власти церкви и государства, но и мужество интеллектуальное, противостояние многовековым догматическим религиозным учениям, представлениям, обычаям, — то, в чем не было нужды рядовым последователям и мыслителям-апологетам официальных религий. Такой личностью был уже М.В. Ломоносов, по справедливому мнению автора, зачинатель материалистического философского направления в России. Не случайно критическое отношение мыслителя к религиозным представлениям, обычаям и к духовенству, вследствие чего он подвергался преследованиям со стороны синода, просившего императрицу «истребить и публично сжечь» его сочинения. Последователь Ломоносова А.Н. Радищев, по характеристике Сухова, «первый в России революционный демократ». Тщательный анализ сочинений Радищева позволил автору найти убедительные доводы в пользу материалистического характера онтологии и гносеологии мыслителя. Автор выявляет целый ряд идей, характеризующих Радищева как незаурядного русского философа, главный аспект творчества которого — социальный. Именно реалистический взгляд на жизнь дал ему возможность осознать, что строй, основанный на насилии и угнетении должен быть устранен революционным путем. А.Д. Сухов обоснованно усматривает новизну суждений Радищева в открытом заявлении о союзе светской власти и церкви; в раскрытии гносеологических причин заблуждений, в том числе религиозных, в постановке проблемы «народ, массы, личность» и т.д.

Закономерным развитием традиции, заложенной Ломоносовым и Радищевым, представлена философия русских революционных демократов — А.И. Герцена, Н.П. Огарева, В.Г. Белинского, М.В. Петрашевского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, М.А. Бакунина, П.Л. Лаврова, П.Н. Ткачева. Каждый из когорты русских материалистов XIX в. рассматривается как личность уникальная, анализируются решающие события их личной жизни, связи с выдающимися мыслите-

лями иных мировоззрений, степень радикальности или умеренности их социальных взглядов, отношение к частным проблемам религии или искусства... Вполне уместным оказывается рассмотрение автором взглядов наших мыслителей на фоне учения К. Маркса и Ф. Энгельса. Автор, однако, подчеркивает, что это не должно умалять самостоятельности философских разработок революционных демократов. В книге обращается внимание на то, что в русской философии с начала 40-х гг. XIX в. происходили процессы, параллельные находящемуся на стадии становления марксизму и дающие сходные результаты.

Последний блок рассматриваемой главы посвящен представителям поздней фазы революционной демократии — народникам, воспринявшим ряд положений марксизма — учение о примате экономики, о месте и роли частной собственности, о революционном преобразовании старых порядков, о сущности религии. Вдумчивый анализ сочинений П.Л. Лаврова привел А.Д. Сухова к выводу: прежняя трактовка лавровской идеи «критически мыслящей личности» как идеи, страдающей субъективизмом и идеализмом, некорректна. На деле эта личность, по Лаврову, развивается под влиянием окружающей среды, а ее особенностью является то, что она «яснее и глубже других» понимает сущность социальных отношений. Решающим двигателем истории Лавров считал экономический фактор, связанный с политической деятельностью. Марксизм закономерно вписался в материалистическую традицию русской философии.

Особое место в книге уделено философии П.А. Кропоткина, выросшей на основе его обширных и глубоких знаний в области естественных, общественных и гуманитарных наук, а также истории философии. А.Д. Сухов подробно описывает процесс философского развития, а также жизненные события, приведшие мыслителя к идеям синтетической философии и анархизма. Отдавая должное достижениям П.А. Кропоткина, автор вместе с тем приходит к выводу о несовершенстве методологии мыслителя, не позволившей ему выйти за пределы предшествующего материализма. А.Д. Сухов показал также утопизм учения Кропоткина об «анархическом коммунизме». В то же время его обстоятельный анализ целого ряда проблем — истории, революции, государства, сельской общины и т.д. — приводит к выводу о том, что наряду с утопиями у Кропоткина находим немало нетривиальных, оригинальных, идей, которые могут быть развернуты при внимательном отношении к ним. Особо выделяет автор философию религии мыслителя; в ней, в частности, реализуется дифференцированный подход к различным проявлениям религиозности и к группам, которые ими руководствуются. В книге дается анализ этического учения мыслителя, а также его истории русской философии.

Своеобразным проявлением материалистической традиции представил А.Д. Сухов творчество русских естествоиспытателей XIX — XX вв., философские изыскания которых уже в силу специфики их научных занятий существенно обогатили материалистическую мысль России; это крупнейшие ученые — И.М. Сеченов, Д.И. Менделеев, И.И. Мечников, К.А. Тимирязев, И.П. Павлов и К.Э. Циолковский. Были попытки представить некоторых из них верующими и чуть ли не

апологетами религии. Поэтому для установления истинного положения вещей нужен был доскональный анализ обширной литературы, будь то работы ученых, исследования их творчества или мемуары современников. Именно такой труд осуществил А.Д. Сухов, придя к убедительным выводам: наши естествоиспытатели, обладая помимо специальных знаний колоссальной эрудицией в других областях культуры, поднимались над стихийным материализмом в область рассуждений философского плана. Их взгляды, как показано в книге, во многом формировались под влиянием русской материалистической мысли, и не случайной была их оппозиция тогдашнему строю. Правда, законченных философских систем никто из них не создал, более того, кто-то из них в разные периоды жизни мог быть непоследовательным в своем материализме, поэтому представляется уместным обозначение их суждений автором как «материалистического философствования». Особое внимание автор уделил ученым, которые подвергали критике религию и идеализм, как, например, И.И. Мечников, показавший несостоятельность теологии, прагматизма и бергсонизма, или К.А. Тимирязев, защищавший дарвинизм и боровшийся с мистицизмом.

Итак, в книге А.Д. Сухова рассмотрены две основные традиции (при огромном разнообразии их оттенков) русской философии: одна, опирающаяся на православие и идеалистическую философию, другая – на достижения наук, на традиции свободомыслия. Абсолютное противопоставление их нецелесообразно: в сочинениях идеалистического плана нередко имело место реалистическое отражение действительности, по существу содействовавшее укреплению материалистической традиции (критика крепостничества, буржуазного мира отношений, социальной несправедливости и др.). Русская философия как некая целостность с ее безграничным богатством идей является ценным достоянием мировой философской культуры. И в этом нас убеждает новая книга А.Д. Сухова.